

ЛАРИСА

СОБОЛЕВА

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА
ТА, КОТОРОЙ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление серии —
Екатерина Фerez

Соболева, Лариса Павловна.

С54 Та, которой не должно быть : [роман] /
Лариса Соболева. — Москва : Издательство
АСТ, 2020. — 352 с. — (Она всегда с тобой. Де-
тективы Ларисы Соболевой).

ISBN 978-5-17-117933-5

Казалось бы, разные люди, разные преступления, разные события действуют в романе и между ними нет ничего общего. Но постепенно эти события и люди выстраиваются в одну общую линию, и выясняются мотивы... Их четверо, им всем чуть за тридцать, они не похожи друг на друга, но это не мешает им дружить...

Больше года назад произошла трагедия — сгорел дачный дом, погибли люди, погибла невеста Эдгара, а сам он чудом остался в живых. Из того, что произошло, он ничего не помнит. Официальное расследование не дает результатов. Тогда Эдгар нанимает частного детектива и уезжает в Китай, куда его отправляют друзья. Год спустя он возвращается и понимает, что... прошлое следует неотступно.

А между тем в городе начинают происходить страшные события, как в фильме ужасов, только еще ужаснее, потому что в жизни. И четверо друзей пытаются разобраться в этом.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117933-5

© Соболева Л.
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Когда живешь страстью, видишь
лишь иллюзии.

Китайская мудрость

1

Сюда он входил без стука. Нет, он врывался! Стремительно и внезапно, как тайфун. Занавеска на окне испуганно всхлипывала и замирала, беспомощно повисая, когда Виталий распахивал дверь и задерживался на пороге с улыбкой.

Как правило, она читала с серьезнейшим видом, или писала, или разговаривала с Валюшей. Нет-нет, все разговоры и чтение — исключительно по делу. Собственно, и он забегал по делу, между тем это был благовидный предлог увидеться. Его развлекала ее реакция, когда она поднимала строгие серые глаза, одновременно бросая сухую фразу тоном стервы: «Подождите в коридоре!» И за секунду ее мимика менялась, глаза окрашивались в серебристый цвет, Лариса вскакивала с места, конечно, от радости. Подскочила и на этот раз, выпалив:

— Виталька!

— Валенсия, привет, — мимоходом бросил он девушке за вторым столом, идя к Ларисе. Сначала обнял ее, поцеловал в щеку (ради этого и примчался, сделав крюк), а уж после вручил файл. — Держи акт вскрытия. Любопытное чтиво.

— М! — Вытаскивая отпечатанные листы из файла, Лариса мгновенно потеряла интерес к Виталию, что огорчительно.

— Вот так-так! — повернувшись к Вале, с показной обидой протянул он и плюхнулся на стул. — Мчишься через весь город, тратишь бензин, время, рискуешь потерять колеса на наших дорогах, а тебя встречают...

Внештатница Валя, прозванная им Валенсией, с обожанием смотрела на него и чуть-чуть с завистью на Ларису, к которой ее приставили в качестве помощницы. Валюша заочно заканчивала грызть гранит юридических наук в университете, а сюда пришла за большим и маленьким опытом, без которого — никуда! Разумеется, с улицы в это святилище «преступления и закона» не берут даже на волонтерскую работу, это значит, Валя блатная. А Виталию невдомек, зачем такой хорошенькой и моденькой штучке страшно-ужасно-жуткая работа?

— Да, — закивала она, — ваши колеса жалко. У вас же машина — супер.

— Кто тебе сказал? — невинно поднял он брови. — Машина как машина...

— Папа говорит, ваша машина безумно доро...

— Я купил потрепанную, — врал он без стыда и совести, досадуя на знатока-папу.

— Папа говорит, что и подержанная она дорогая...

Кабинет непропорциональный, маленький, два стола еле втиснули, поэтому, чтоб перейти на междусобойчик, достаточно наклониться к собеседнику. Что и сделал Виталий, зашептав, как истинный заговорщик:

— Валенсия, только тебе признаюсь: у меня денег навалом. Я же беру откаты. Крупные.

— У кого? — опешила доверчивая Валюша, вытирашив ореховые глазенки под накрахмаленной челкой цвета прибрежного песка.

— У них, естественно, у покойников, — на полном серьезе выдал Виталий. — Я умею с ними договариваться, особенно с теми, кого настигла насильственная смерть. Не веришь? Мне?! Ая-яй! Лариса, скажи, сколько, помимо пуль, я нашел бриллиантов в желудке азиата?

— Пять штук, — ответила Лариса, но не дала развить тему незаконных сделок с трупами. — Валь, сгоняй к Руслану, отнеси это.

Валюша неохотно забрала акт и побежала выполнять просьбу. А ей так хотелось поболтать с Виталием или хотя бы послушать его, а тут — сгоняй. За ней, взглянув на часы, и Виталий засобирился:

— У, и мне пора... пора...

Сказать-то сказал, но не шевельнулся. Уйти — это же расстаться на несколько часов! Его настроение почувствовала Лариса, уложила кулачки друг на друга, на них — остренький подбородок и тоже улыбнулась ему. Приятно, приятно, когда прожитый без тебя час приравнивается к вечной разлуке, а встреча — к сбывшейся заветной мечте.

— Неужели отравили? — спросила она.

Полгода назад Лариса переехала к нему и... нет, это не рассказать! Осталось закрепить романтический союз штампами в паспортах, а то, что их отношения не рухнут в канаву быта, оба уверены на сто процентов.

— Отравили, — закивал он. — Примитивнейшим ядом, добытым из ядовитых растений кустарным способом. Полагаю, лавры Екатерины Медичи не дают покоя... угадай, кому?

Он провокационно прищурился, приподняв одну бровь, натянув хитрющую улыбку и постукивая пальцами по столу. А у Ларисы ответа не было. Его не могло быть! Покойник, когда еще был жив, в одной руке держал стаканчик, в другой — шампур, и вдруг ему становится нехорошо, он падает, начинаются судороги. И вот приходит она: безносая тетка с косой на плече в черном капюшоне. Для начала полагается установить причину внезапной смерти, только потом подозревать.

— Я подозреваю... нет, указываю на тещу, — раскололся Виталий, видя, в каком тупике обожаемая Лариса.

— Вот так сразу, да? — недоверчиво фыркнула она. — Без мотива, да?

— Мотивы, улики, вещдоки... Мне бы ваши заботы, милая! Короче, на даче в дальнем уголке за розами-мимозами растет та самая одолень-трава, уложившая здорового мужика, аж трех видов. А дача чья? Теща думает, в травках знают толк лишь ботаники, а ботаников среди нас не водится. Почему-то люди держат окружающих за приматов, это всеобщее заблуждение является основной причиной некачественных преступлений. Так я приглашаю ребят к нам? — на всякий случай уточнил он.

— И Алексашку?

— Куда ж без него?

— Прости, но твоего Алексашку...

— Знаю, знаю, — приподнял ладони Виталий, поморщившись, тем самым налагая табу на ее вмешательство в сферу мужских отношений. — Лариса, друзей не отвергают из-за того, что у них испортился характер, ведь на все есть причины. Алексашкина тебе известна, будь снисходительна.

Конечно, будет! Снисходительной, доброй, милой, нежной будет. Но к Витальке! Ему она простит все, даже Алексашку.

Он вздохнул тяжело, о колени ударил ладонями, мол, все-все, встаю... и не встал. Засмотрелся на Ларису. У нее удивительное лицо — приманивает обманчивой простотой и одновременно недоступностью. В тонких, скромно выписанных чертах столько скрытой чувственности, что появляется желание бросить все к черту с актами, трупами, убийствами! И укатить с ней далеко-далеко... А нужно ехать в аэропорт — как тут не вздохнешь?

— Между прочим, я прочла то дело, — сказала она, вернув его из мечтаний. — Книга ужасов, честное слово. Наверное, потому что точка не поставлена?

— Прошу тебя, ни слова о...

— Помню, помню. Не переживай, этой темы не коснусь. Беги, а то опоздаешь и разозлишь зануду Алексашку.

И как же на прощание не поцеловаться? В губы, глубоким, долгим поцелуем — ведь они одни. Виталий первым оторвался, а потом умчался. Лариса протиснулась между столами к окну, зная, что перед тем, как сесть в машину, он непременно бросит взгляд на ее окно. Конечно, оглянулся! Она послала ему воздушный поцелуй и помахала одними пальчиками. Он уехал... Лариса вернулась на место, с минуту сидела, покусывая губы, на которых задержался вкус поцелуя.

Между тем солнечная осень заглянула в окно, подкрасив ядовито-желтым цветом стены, заиграла бликами на столе, отразилась в стеклах окна. Виталка дополнял эту светлость, нет — усиливал ее. Но он уехал. Без него в кабинете стало тускловатое, бедно. Совсем не рабочее настроение!

Машинально Лариса вытащила из ящика увесистый том, скрепленный в месте деревянными рейками и намертво прошитый толстым шнуром. Да, именно так шьют дела — буквально, грубо, надежно, крепкими нитками, которые не порвутся ни при каких обстоятельствах. Лариса открыла том, ее глаза понеслись по скупым строчкам, увлекая в другой, темный и загадочный мир...

Несмотря на полную темноту, он видел себя. Только со стороны. Ну, это как в кино... или во сне...

Отчета себе не отдавал, почему его потянуло вверх. Просто несло вперед, а на пути выросла преграда — лестница. Длинная-предлинная деревянная лестница. Старая-престарая. У нее было начало, но — удивительно — не было конца. Вернее, так ему чудилось: у черной дыры под крышей нет конца, а ведь конец есть у всего, абсолютно у всего.

Путь по лестнице длился бесконечно долго и казался непреодолимым. Может, потому, что ноги утяжелились... как и руки... и голова... и все тело... Впрочем, тело было невесомым, словно земного притяжения не существовало. А ни руки, ни ноги не поднимались. Странно, да? Нелепо, да? Но легкость и тяжесть одновременно — это реально, он испытал то и другое на себе.

Прокричав ее имя, не услышал себя. Не слышать собственного голоса, когда кричишь, — это страшно! Еще страшней, когда непонятно, что происходит. Какая сила удерживает, когда рвешься наверх, хотя не знаешь, что впереди?

А что там — впереди? Он думал и об этом. Но почему-то знал, что там будет нечто плохое. Но упорно рвался туда... вверх... вверх...

Одна ступенька провалилась (он знал, это предпоследняя ступенька), через нее следовало переступить, а он наступил. И упал. С падением исчезла (наверное, все-таки мнимая) легкость-тяжесть, тело приобрело привычное состояние. Он подскочил и, наконец, услышал свой отчаянный крик:

— Где ты?.. Где?!. Отзови-ись...

— Я здесь, — буркнул Александр, толкнув в бок локтем.

Локоть был острым, словно копьё туземца, решившего нанизать на него желанный ужин. Эдгар непроизвольно потер бок, с трудом припоминая, где находится, кто его толкнул и почему. Почувствовав физическое неудобство — спина занемела, ноги отекли, болела шея, — он с усилием поднял тяжелые веки. Рядом в кресле, с закрытыми глазами, полулежал Сашка, тем не менее он почувствовал, что на него удивленно смотрит Эдгар, и ворчливо отчитал его:

— Прекрати стонать и разговаривать во сне, на нас смотрят как на психов. И пристегнись, на посадку заходим.

Значит, сон? А как наяву. Эдгар с облегчением выдохнул и подался к иллюминатору. Действительно, земля летела навстречу, следовательно, длинный и утомительный перелет подходил к концу. Только вот осадок собрался комом в груди, жег будто бы и не сильно, но ощутимо.

2

Закинув руки за голову, Алла лежала на бордовом шелке, дразня изгибами, выпуклостями и впадинами обнаженного тела. Дразня безупречно гладкой кожей цвета бронзы и чем-то еще, сугубо индивидуальным, чему и названья-то не придумали. Ее не портила растрепанность после «аэробики» на кровати, отсутствие помады на губах, утомленное лицо, вялость с леностью. Не портили тонкие морщинки возле уголков губ и между бровями.

Что должен испытывать мужчина, глядя на аппетитные формы, обтянутые закрашенной загаром кожей? Не о ее годах, разумеется, — Алле сорок пять, кстати. Он попросту застывает на пороге спальни с чашкой кофе, которую собственноручно приготовил, хотя сейчас не утро, чтоб подавать кофе в постель, время за полдень. Но Заварову безумно захотелось ей угодить. Он отправился на кухню делать то, чего не делал никогда, — варить. И сварил-таки! Нечто черно-коричневого цвета болталось в чашке, проливаясь на блюде.

Заваров алчно слотнул, чувствуя, как нутро заполняет буйство, словно у слегка оперившегося юнца. А времени-то прошло ну очень мало. Он неслышно подкрался к кровати, наклонился к Алле и шепотом, бережно касаясь губами округлого плеча, сказал без лакейского подобострастия:

— Кофе подан, мадам.

- Не хочу, — проямлила она, не открывая глаз.
- А кто пять минут назад требовал? — опешил он.
- Я передумала. Я устала.

Вот так вот! Устала! И кто виновник усталости? А ему тоже уже, извините, под полтинник. Эх, скинуть бы десяток лет... Да-а, не одни женщины со страхом переступают возрастные рубежи, кажется, у мужчин этот процесс проходит болезненней. Слабому полу достаточно выглядеть моложе на энное количество лет, а на это работает целая индустрия — только успевай платить. У сильной же половины с возрастом появляется в прямом смысле физический недостаток. В связи с этим растет комплекс неполноценности, психика угнетена, тело, не получающее привычных удовольствий, тоже. Какой дурак придумал именовать это процессом старения? Не процесс, а измывательство Создателя над своим главным творением — человеком.

Невольно рука Заварова потянулась к груди, а губы — к ямке между ключицами. Но Алла, преодолевая лень, ладонью отвернула его лицо. Он рассмеялся. Она же перевернулась на живот, ее спутанные смоляные волосы расплзлись по подушке, одна прядь, извиваясь, как змея, скользнула по лопатке. А необязательно лицезреть и ласкать портретную сторону, можно же пересчитать позвонки губами...

— Гена... — брюзгливо протянула Алла, шевельнув плечами, будто прогоняла приставучую осеннюю муху. — Дай полежать.

Пропало у нее настроение, что огорчило Заварова. В нежелании Аллы продолжить активно терять килограммы (по ее мнению, этому способствует секс) он усмотрел личную вину, то есть несостоятельность в интимном плане.

— Тебе сегодня не понравилось? — озабоченно спросил он.

— О боже... Не говори глупости.

— Тогда почему? — вновь принялся целовать бронзовую спинку Заваров. — У нас еще полчаса как минимум...

— А что будет через полчаса? — насторожилась Алла, повернув к нему свое выразительное лицо итальянской кинодивы. Она похожа на итальянку и внешне, и темпераментом — огонь, а не женщина.

— Майка вернется, — ответил он. — С ней Федя...

Этого было достаточно, чтоб Алла подлетела с кровати, как попкорн. Не успел он глазом моргнуть, а на ней уже белье! Она натягивала чулки на загорелые ноги, пеняя ему:

— И ты молчал! Еще к разврату склонял! Знаешь, нехорошо с твоей стороны. Я не хочу попасть в неловкое положение, когда Майка застанет нас здесь.

Алла кинулась на поиски одежды, которую Заваров разбросал, снимая с нее, юбку она нашла в одном месте, блузу — в другом, жакет — в третьем...

* * *

В зале аэропорта Эдгар озирался, будто никогда не бывал здесь, и пока присматривался — кто тут копошится, где выход, какая погода. Это была новая страна. Глобальные перемены ее не коснулись, не изменился ни строй, ни люди, страна была новой как бы в старом обличье. А он — иностранцем, знающим в совершенстве язык, быт, нравы. Но иностранец — это чужой. Он и ощущал себя чужаком, как только сошел с трапа самолета, а прилетел-то домой.

Но что значит «дом» в чужом месте, городе, стране? Нечто изначально инородное и, как водится, неопределенное. Неопределенность не может быть притягательной, она окружает сомнениями с неуверенностью, она пугает. Предстоит заново осваиваться, учиться жить в среде, ставшей непривычной, работать, вспомнить друзей-приятелей... Все это казалось неподъемным грузом, который невозможно взвалить на плечи, остается

лишь волоком тащить его, потому что так заведено. Данная перспектива как раз и пугала.

— Эдгар!

Услышав свое имя, он вздрогнул, посмотрел по сторонам — бежит. Как всегда: улыбка на тонких, но волевых губах, зеленоватые глаза искрятся, энергичен, одет безупречно и олицетворяет собой неуловимую мечту миллионов — успех. По пути Виталий налетал на людей, не обратив внимания на живое препятствие, но мимоходом извиняясь. Эдгар тоже улыбнулся, как положено при встрече, они обнялись. Виталий, похлопывая его по спине, вспомнил:

— А где Алексашка?

— За багажом отправился, — ответил Эдгар, отстранившись от друга и переключившись на то, что его занимало больше, — обстановку вокруг. Но заметил: — Непривычно видеть тебя с бородой.

— Борода скрывает природные недостатки, — потирая тыльной стороной ладони короткую щетину на щеках, улыбаясь, сказал Виталька.

Эдгар отвык от столпотворений, бессмысленной суеты. И смотрел на муравейник с горьким чувством осознания, что он не особенный, а такая же мелочь из этого же муравьиного сообщества — неинтересного и бесполезного. Снова он вздрогнул, когда Виталий опустил руку ему на плечо и с веселым смешком, по-философски мудро произнес:

— Где, как не в аэропорту, приходят мысли о хаосе человеческого бытия?

— Откуда знаешь, о чем я думал? — удивился Эдгар.

— Хм-ха.. Потому что, возвращаясь из Китая, меня посещают те же мысли и именно в аэропорту. Не странно ли? В Китае народу тьма-тьмушная, а чувство незащищенности среди себе подобных появляется почему-то здесь. Вдруг замечаешь, что нас очень много, что мы бессмысленный и агрессивный рой.

Отвык Эдгар от эмоций, полюбил уединение, равновесие, которое создает дивное согласие между человеком и внешним миром. Но здесь... кажется, здесь предстоит вернуться к хаосу.

— Это от того, что там мы жили в глуши, — дал объяснение его и своим впечатлениям он. — От цивилизации быстро отвыкаешь, потом еще и понимаешь: из того, что состряпано человечеством, тебе не нужно девяносто пять процентов.

— Опасная теория, говорю как доктор, — без причин рассмеялся Виталий, озираясь по сторонам. Наверное, он попросту рад встрече, потому улыбался и смеялся. — Ведет к добровольной изолированности, та в свою очередь — к шизе, а вот шиза тебя приведет в отдельную палату дурдома. Так что делай выбор в позитивную сторону. Да где же... Ага, вон и наш Алексашка.

С мрачноватой физиономией Сашка катил боком чемодан, придерживая второй рукой ремень спортивной сумки, висевшей на плече. Сбросив ношу у ног Эдгара, он подхватил чемодан и ворчливо пожаловался:

— Кидают абы как... Колесико отломилось.

— Может, поздороваемся? — предложил Виталий.

Не глядя на него (чемодан был важнее), Сашка протянул руку, пришлось вместо объятий ограничиться прохладным рукопожатием. Зная угрюмый нрав друга, который лишний раз не улыбнется и не откроет рта, Виталий не обиделся. Сашка очень, очень-очень серьезный товарищ. До того серьезный, что иной раз становится похож на крохотную обезьянку, решающую глобальный вопрос — быть или не быть? — оттого смешную и отчасти нелепую. Виталий прозвал его Алексашкой, объясняя так: хотя бы в имя внести толику легковесности, а там глядишь — он станет проще, общительней, дружелюбней. Недаром же бытует мнение: как вы яхту назовете, так она и поплывет, однако яхта под именем Алексашка упорно не поднимала якорь, никуда не желая плыть.